

данном районе в очень отдаленные времена. Этой же проблеме он посвятил второй доклад.

Б. И. Татаринцев (Кызыл) прочел доклад «О енисейской гипотезе происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках».

Я. Н. Попова (Новосибирск) в докладе «О роли экстралингвистического влияния в процессе формирования языка» указала, что на формирование наречия лесных ненцев влиял язык хантов.

Селькупскому языку были посвящены доклады ученых из Новосибирска—А. Д. Ильиной «К вопросу о заимствовании и освоении русских слов селькупским языком» и А. И. Кузьминой «О развитии лабиализованных согласных в селькупском языке». Во втором докладе автор устанавливает корреляции согласных селькупского языка по лабиализации. Лабиализация согласных южноселькупских диалектов связывается ею с палеосибирским субстратом. Ю. А. Морев (Томск) в докладе «Место ласкинского говора в диалектной системе селькупского языка» высказал мнение, что этот говор относится к среднеобскому варианту чумылькупов селькупского языка.

З. П. Демьяненко (Томск), продолжившая работы А. П. Дульзона о контактах между тюрками и енисейцами, в докладе «Лексический материал как источник по истории долган и якутов» сообщила о выделении ею двух хронологически разновременных слоев тюрко-кетских лексических совпадений.

С. И. Николаев (Якутск), рассмотрев три одинаковых по значению этнонима Восточной Сибири (уранхай, тунгус и юкагир), пришел к выводу об их семантическом единстве.

В докладе Н. Н. Широбоковой (Новосибирск) «О якутско-монгольских контактах» шла речь о том, что якутский язык испытал влияние различных монгольских языков, в том числе и языка хоролоров — одного из основных племенных объединений, вошедших в состав бурято-монголов.

Трудно охарактеризовать все представленные на конференцию доклады, но нельзя не отметить, что большинство из них было сделано на высоком научном уровне. Принимая во внимание сложность исследования этногенетических процессов, участники заседаний секций неоднократно обращали внимание на необходимость комплексного подхода к изучению проблем этногенеза.

На заключительном совместном заседании было принято решение провести Третью конференцию по этногенезу народов Сибири и Дальнего Востока в 1975 г. в Иркутске.

**В. С. Золототрубов, И. П. Ларичева,
Н. Н. Широбокова**

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СССР»

21—23 мая 1974 г. в Минске проходила Всесоюзная научная конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР», организованная Научным советом по фольклору, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, Институтом русской литературы (Пушкинский дом), Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР.

На конференцию съехались фольклористы почти из всех союзных и автономных республик и областей, из разных городов Советского Союза. Всего на конференции было заслушано 55 докладов и выступлений¹.

¹ См. «Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции», Минск, 1974.

Подобная конференция проводилась у нас впервые. Советские фольклористы неоднократно собирались для обсуждения основных проблем теории и истории фольклора, закономерностей развития традиционного и современного народного поэтического творчества. Много всесоюзных и региональных совещаний было посвящено эпосу и другим песенным жанрам, специального же совещания по устной народной прозе еще не было. Это в какой-то степени отражало состояние нашей фольклористики: народная проза вообще привлекала меньше внимания, а жанры несказочной прозы, имеющие большое историко-культурное и художественное значение, стали у нас предметом подлинно научного исследования только в последние годы. Усиление интереса к ним вызвано еще и тем, что изучение несказочной прозы было выдвинуто как одна из основных задач современной фольклористики, и ряд международных совещаний был специально посвящен проблемам систематизации и составления национальных и международных указателей преданий, легенд и других устных прозаических жанров. Перед исследователями народной прозы стоит ряд важных теоретических проблем, требующих всестороннего обсуждения, поэтому минская конференция явилась очень своевременной и полезной.

Для обсуждения на конференции были выдвинуты проблемы: система и типология устных прозаических жанров, их взаимодействие между собой и с другими фольклорными жанрами, межнациональные связи фольклора, поэтика сказки, коллективное и индивидуальное в сказочном творчестве, особенности жанров несказочной прозы, классификация и каталогизация фольклорных прозаических жанров. Очень важно, что все они решались с привлечением разнообразного материала по национальному фольклору: это дало возможность не только углублять их, но в ряде случаев и по-новому поставить.

Открыл конференцию директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР член-кор. АН БССР В. К. Бондарчик.

С основным докладом «Прозаические жанры в системе фольклора» выступил К. В. Чистов (Ленинград). Он остановился на особенно важной и сложной проблеме разграничения жанров народной прозы и их определения. Докладчик отметил, что стихотворные, песенные и прозаические жанры разграничиваются сравнительно легко, выделить же различные виды и жанры прозы значительно сложнее, тем более что в некоторых случаях трудно отделить фольклорную прозу от деловой речи. Критерий художественности, обычно выдвигаемый в таких случаях, недостаточен, а по отношению к некоторым видам традиционного фольклора может оказаться и ошибочным.

Исходя из основной функции, отношения к речевой практике, содержания и морфологических особенностей различных устных прозаических произведений, К. В. Чистов выделил следующие группы народной прозы.

1. Входящие в языковую практику любой социальной группы фразеологизмы, языковые клише (от элементарных до сложных), которые могут приобретать переносный смысл, становиться образным выражением — присловьем.

2. Пословицы и поговорки (отчасти загадки), тесно связанные с присловьями. В этих простейших видах фольклорной прозы сочетаются эстетическое и неэстетическое начала: генезис их речевой, а основная функция коммуникативная. Граница между фольклорными и нефольклорными явлениями здесь проходит между фразеологизмами, употребляемыми в прямом и переносном смысле.

3. Обрядовая проза (к ней частично относятся и загадки), основная и жанровообразующая функция которой магическая, эстетическая же вторичная, сопутствующая.

4. Предания, легенды, былички, сказы. Для этой группы характерно преобладание информационно-мнемонической функции. Разграничить жанры этой группы трудно, так как нет не только общепринятой научной, но и народной терминологии их, что связано и с особенностями этих жанров — они не выделялись из деловой речи. Реальные критерии их дифференциации: время, к которому относится рассказ; локальная приуроченность или неприуроченность; наличие или отсутствие сверхъестественных образов. Выделяются рассказы, не оторвавшиеся еще от их первоначальных исполнителей — участников событий.

5. Сказки, распадающиеся на несколько жанров, анекдоты, притчи, небылицы. Для этой группы характерно преобладание эстетической функции, тексты произведений наиболее стабильны.

6. Особую группу у ряда народов составляют прозаические формы героического эпоса.

К. П. Кабашников (Минск) в докладе «Прозаические жанры белорусского фольклора» разделил белорусскую народную прозу на три основные группы: 1) сказки, анекдоты, небылицы; 2) легенды и предания; 3) различные виды устного рассказа. Наиболее детально докладчик остановился на сказках, отличающихся широтой охвата жизненных явлений, глубиной обобщения и яркостью образов. Говоря об анекдоте, докладчик особое внимание уделил распространявшимся перед революцией сатирическим анекдотам. Он отметил также, что все прозаические жанры тесно связаны друг с другом, создаются и переходные формы.

Доклад А. С. Федосика (Минск) «Некоторые проблемы изучения прозаических жанров белорусского фольклора» в основном был посвящен рассмотрению их взаимодействия. Указав на важность выявления закономерностей, которым подчинены взаимосвязь и взаимопроницаемость жанров, докладчик отметил, что эта проблема неразрешима без выяснения специфики и принципов классификации жанров.

В. А. Юзвенко (Киев) выступила с докладом «Волшебная сказка в системе жанров фольклора (на общеславянском материале)».

В ряде докладов рассматривались разного типа межжанровые связи и взаимоотношения. Ф. М. Селиванов (Москва) проанализировал связи были и сказок главным образом в генетическом плане. Он утверждал, что теория происхождения героического эпоса из волшебной сказки не подтверждается материалами восточнославянского фольклора; историко-героический эпос закономерно возникает на основе всех видов предшествующей культуры как качественно новый этап развития общественного сознания. М. Г. Ларченко (Минск) говорил о героическом эпосе в белорусских сказках. У. Б. Далгат (Москва) остановилась на проблеме взаимодействия сказки с эпосом на Северном Кавказе. У народов этого региона, имеющих древнюю эпическую и сказочную традицию, сказки и эпос имеют свою специфику, но наблюдается и их взаимопроникновение. Процесс этот имеет стадийный характер и определяется условиями развития жанра и особенностями фольклорной традиции разных народов. Вхождение же эпоса в сказочный жанр в наше время свидетельствует о разложении эпической традиции.

В. К. Соколова (Москва) рассмотрела взаимодействие преданий с другими прозаическими фольклорными жанрами и историческими песнями на разных этапах их развития. Она пришла к выводу, что пока жанры жили полной творческой жизнью, доминантная функция и своеобразие их ощущались отчетливо, поэтому воздействие на предания других жанров было ограниченным; для этого нужны были соответствующие условия, сходство функций, одинаковое осмысление действительности, известное сходство содержания отдельных мотивов и образов. Наблюдающееся на позднем этапе развития преданий расширение их межжанровых связей свидетельствует о размывании и угасании жанра.

О связях сказки и баллады говорили А. В. Кулагина (Москва) — «Баллада и сказка (на общеславянском материале)», В. Г. Шомина (Калинин) «Сказка и романтическая баллада» и Л. В. Соловей (Минск) — «Взаимосвязи белорусской баллады со сказкой и легендой».

Б. Мамедязов и А. Дурдыева (Ашхабад) выступили с докладом «Место прозы в туркменском народном эпосе».

Л. Г. Барг (Уфа) в докладе «Межнациональные взаимосвязи прозаических жанров» указал на важность изучения межнациональных связей и схождений — генетических, контактных, типологических в фольклоре разных народов. В наше время, когда идет процесс сближения социалистических культур, взаимодействие между фольклором разных народов нашей страны стало особенно интенсивным. Очень широко, хотя и неравномерно, на территории всей страны наблюдается сейчас влияние восточнославянских сказок на сказки неславянских народов. Влияние это проявляется на разных уровнях: сюжеты и образы русских сказок, соответственно переработанные, становятся национальной традицией других народов, отмечается воздействие композиции. Кроме того, в национальные сказки проникают русские сказочные формулы и русские слова. Вместе с этим расширяется влияние и нерусских сказок; закономерность здесь в основном та же. На развитие межнациональных фольклорных связей оказывают воздействие и современные этнические процессы; с развитием двуязычия все больше появляется двуязычных и даже трехязычных рассказчиков, изучение творчества которых представляет большой интерес. Межнациональные отношения жанров несказочной прозы не

вполне сходны с взаимодействием сказок, так как предания более непосредственно связаны с исторической действительностью и условиями местной жизни.

Международным связям и национальной специфике отдельных прозаических жанров посвятили доклады: Р. А. Богомольная (Кишинев) «Русская народная проза в Молдавии», И. М. Колесническая (Ленинград) «Сказки русских колымчан по записям В. Г. Тан-Богораз», Б. П. Кербелите (Вильнюс) «О характере заимствования из славянского фольклора в литовских сказках», И. П. Березовский (Киев) «Украинские народные сказки и восточнославянская сказочная традиция», Ф. В. Ахметова (Казань) «Сходное и различное в поэтике татарских и башкирских богатырских сказок».

Заседание, посвященное поэтике сказки, открылось докладом Е. А. Тудоровской (Ленинград) «Поэтика волшебной сказки». По мнению докладчицы, сказку необходимо изучать не как сцепление отдельных эпизодов («ходов»), а как единый сюжет. В каждой сказке есть главный конфликт, являющийся основой ее структуры. Без него сюжет не может существовать, остальные же эпизоды могут варьироваться, вставляться или опускаться, они являются лишь подготовкой к основному подвигу героя, который воплощает положительную сферу сказки, а не является только посредником, «медиатором», как то считает Леви-Стросс. Метод анализа по ведущему конфликту дает возможность установить историческую последовательность сюжетов. Выделяются архаические сказки («конфликт между человеческим родом и волшебными антагонистами — хозяевами стихий»); героические, возникающие в период распада родового общества; сказки с семейным конфликтом и, наконец, сказки с классовым конфликтом — наиболее поздний тип сказки. Каждый тип сказок имеет свое построение. При анализе поздних сказок надо считаться с чисто художественной переработкой архаических мотивов. Анализ сказочных образов должен вестись в соответствии с сюжетной основой. По мнению Е. А. Тудоровской, анализ структуры сказочного сюжета должен лечь в основу изучения всех поэтических особенностей сказки.

В. П. Аникин (Москва) в докладе «Поэтика сказок о животных» исходил из положения, что условность художественной формы сказок о животных состоит в создании образов животных, наделенных человеческими качествами. В соответствии с этим строится сюжет. В сказках наблюдаются аналогии между поведением животных и человека, иногда они трактуются как иносказание (в этих случаях преобладают сатирико-юмористические аналогии).

Г. С. Сухобрус (Киев) посвятила доклад сказочной аллегории. По ее мнению, аллегория — одна из существенных жанровых особенностей сказки, высшая форма художественного вымысла, обладающая эффективными художественными средствами широчайшего обобщения.

Н. И. Савушкина (Москва) в докладе «Поэтика комического в русской бытовой сказке» рассмотрела средства создания комического эффекта. Объектами смеха в бытовых сказках служили люди и явления, воплощавшие противоречия общественной и частной жизни. Исходный момент создания комического эффекта — комическая ситуация, из которой вытекает комическое поведение высмеиваемых персонажей (комизм здесь создается главным образом за счет бессознательного автоматизма поступков). Для усиления комического эффекта используются кроме повторов перестановки (персонажи меняются местами) и совмещения. Своеобразен и язык этих сказок.

Отдельные поэтические особенности русских сказок охарактеризовали: Н. М. Ведерникова (Москва) — «Взаимодействие волшебных и бытовых сказок», Л. А. Астафьева (Москва) — «Средства эмоциональной образительности в поэтике волшебной сказки», В. А. Бахтина (Саратов) — «Время в русской народной сказке».

Х. Г. Короглы (Москва) рассмотрел поэтику прозаических фольклорных дастанов — ираноязычных и тюркоязычных, имеющих рамочную конструкцию со вставными новеллами; основной стилистический прием прозаических дастанов — садж (особый вид ритмизованной прозы). Докладчик остановился на отдельных художественных особенностях дастанов и отметил близость дастанов к сказке (общность тематики, образной системы и стилистических приемов). С. Л. Каскабасов (Алма-Ата) поделился некоторыми наблюдениями над поэтикой тюркоязычной сказки, в которой наряду с чертами, присущими сказкам многих народов, есть и свои особенности. У них нет присказок и других обрамляющих формул. Начинаются они сразу с зачина, после которого часто

следует предыстория (пролог). Сюжет может продолжаться и после завершения эпической части — в форме повествования о дальнейшей судьбе героя или его близких (подобный эпилог появился в сказках, очевидно, под воздействием родо-племенного эпоса). Е. В. Баранникова (Улан-Удэ) в докладе «Поэтика бурятской волшебной сказки» остановилась на национальном своеобразии бурятских сказок. О поэтике сказок говорили также Т. Д. Курдаванидзе (Тбилиси) — «Ритмическая организация прозы в грузинских сказках» и Л. И. Саука (Вильнюс) — «К вопросу об интонациях литовских сказок».

О коллективном и индивидуальном началах в сказочном творчестве сделала доклад Э. В. Померанцева (Москва). Она подчеркивала, что без учета взаимодействия этих двух начал нельзя разобраться не только в поэтических особенностях сказки и условиях ее бытования, но и понять всю глубину идейного содержания сказки, ее связь с действительностью. Докладчица остановилась на двух наиболее важных вопросах, связанных с этой проблемой: значении взаимодействия коллективного и личного начал для художественного мастерства сказочника и роли этого взаимодействия в исторических судьбах жанра. Изучение судьбы русской сказки в связи с историей и бытом народа свидетельствует о том, что традиция оказывается сильнее новаций, приносимых в сказку новой действительностью. Основная причина творческих неудач при создании новых сказок, по мнению Э. В. Померанцевой, заключается в отказе от традиции, в превышении нормы индивидуального вмешательства в сказку. В. М. Гацак (Москва) в докладе «Сказочник и его текст» детально сопоставил тексты (русские и восточнороманские), записанные в разное время от одних и тех же сказочников. Это позволило выявить систему традиционных ориентирующих координат не только в событийной части повествования (сюжет и мотивы, действующие лица и их функции и пр.), но и в устойчивых понятиях, словосочетаниях и т. п. (помимо традиционных формул). Устойчивость сказки сочетается с «добиранием» сопутствующих подробностей, текст может расширяться или сокращаться, но такое варьирование не беспредельно, принципиальные ограничения кроются в самой сущности жанра и игнорирование их выводит текст за пределы сказки.

Я. Я. Рудзитис (Рига), говоря об исполнении и восприятии прозаических жанров (на латышском материале XIX — начала XX в.), остановился на рассказывании устной прозы для детей и особенностях детского восприятия. Е. И. Шастина (Иркутск) проанализировала коллективное и индивидуальное в творчестве и исполнительстве ленских сказочников. В. Г. Леонова (Омск) выступила с докладом «Образ сказкича в народной и литературной сказке (выражение коллективного и авторского сознания)».

С докладом о классификации и каталогизации прозаических жанров выступил Н. В. Новиков (Ленинград). Он остановился на основных принципах и сложностях классификации устной прозы. В основу классификации должен быть положен жанр, но, как отметил докладчик, имеются расхождения в определении круга и особенностей жанров несказочной прозы; исследователи выделяют жанры по разным признакам. Есть жанры, которые не считают фольклорными, существует и терминологический разнобой. Для рассказов наиболее приемлема классификация тематическая. При разработке систем классификации очень важно также учитывать межжанровые связи. Классификации должно предшествовать составление указателей, которые всегда имеют подсобный характер.

В. С. Мецберидзе (Тбилиси) познакомил собравшихся с опытом классификации и описания грузинских народных прозаических жанров.

Много докладов и выступлений было посвящено характеристике и классификации отдельных жанров несказочной прозы, главным образом преданий.

С. Н. Азбелев (Ленинград) в докладе «Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях» развивал уже высказывавшуюся им мысль, что поскольку у преданий и легенд, составляющих основу русской народной несказочной прозы, преобладают функции неэстетические, в основу разграничения нужно положить принцип отражения ими действительности. Легенды всегда отражали действительность сквозь призму того или иного верования, былички — явления того же порядка, предания же отражают главным образом обывденные представления о мире. Стадийно предания

предшествовали науке, легенды же возникали на основе уже сложившихся верований и исчезали с исчезновением этих верований. Существует и в прошлом была достаточно развита такая область народной прозы, как героические сказания, которые уже целиком могут быть отнесены к области искусства, им присущи и устойчивые морфологические признаки. С. Л. Зухба (Сухуми) охарактеризовал жанровый состав абхазской народной несказочной прозы: мифы-былички, легенды, предания, сказания, анекдоты. Л. П. Кузьмина (Улан-Удэ) доложила о прозаических жанрах рабочего фольклора Сибири.

И. В. Тресков (Нальчик) попытался выделить некоторые своеобразные жанровые признаки сказа и определить его место в системе прозаических жанров. По мнению докладчика, сказами следует считать лишь такие рассказы, в которых уже имеется известная типизация, художественное обобщение. В качестве первоначальной рабочей гипотезы он предложил следующую «триаду»: 1) воспоминания о конкретных событиях — исторические документы, содержащие и зерна эстетического начала; 2) после известной «обкатки» некоторые воспоминания переходят в другую жанровую категорию — сказы; 3) некоторые из сказов благодаря общезначимости содержания могут становиться преданиями.

Л. Е. Элиасов (Улан-Удэ) в докладе «Жанровые особенности преданий» на материале русских сибирских преданий выделил некоторые признаки, свойственные как преданиям в целом, так и отдельным их группам (о первых поселенцах и их взаимоотношениях с аборигенами, об исторических лицах, топонимические). Л. С. Шептаев (Ленинград) в докладе «Предания о Кудеяре» проследил, как этот цикл, возникший, видимо, в период, предшествовавший крестьянским войнам, в дальнейшем испытал известное воздействие преданий о Ермаке, Разине и Пугачеве. Э. Лийв (Тарту) дала детальную систематизацию сюжетов и мотивов эстонских преданий об озерах, Н. Велюс (Вильнюс) проанализировал структуру литовских этиологических сказаний. Г. Г. Ботезату (Кишинев) в докладе «К вопросу о классификации и систематизации молдавских народных преданий», говоря, что научные принципы классификации преданий еще недостаточно разработаны, указал, на значение народной терминологии для выявления национальной специфики фольклорной традиции. Наиболее детально он остановился на преданиях топонимических. И. А. Пухов (Москва) охарактеризовал якутские предания как жанр и указал на их значение как исторического источника. Все предания якутов он разбил на две основные группы: 1) о древней жизни якутов, 2) о жизни якутов после вхождения их в состав Русского государства. Последние, в свою очередь, делятся на тематические подгруппы. В. Санги (Москва) рассказала о преданиях нивхов. Н. А. Шаракшинова (Иркутск) посвятила доклад легендам бурят о Байкале (на материале русского и бурятского фольклора). В. П. Кругляшова (Свердловск) рассмотрела соотношение устных рассказов о современности и преданий. По ее наблюдениям, устные рассказы являются тем первоначальным тематически-сюжетным фондом, из которого предания отбирают материал. Помимо этой первичной генетической существует и вторичный вид связи — уже бытующие сюжеты дополняются новыми фактами из рассказов.

На конференции закономерно встал вопрос о современном состоянии прозаических жанров фольклора и тенденциях их развития. Специально этой проблеме был посвящен доклад В. А. Захаровой (Минск) «Современное состояние прозаического фольклора». Основываясь главным образом на записях, сделанных фольклорными экспедициями Белорусского государственного университета в последние годы, докладчица показала, что сейчас в Белоруссии живут разного вида предания, причем для современных их вариантов характерна четкая установка на историзм и реальность повествования. Популярным жанром остается сказка, хотя в новых записях она встречается уже реже. Мало быличек, они сохраняются лишь в памяти старшего поколения. Особого внимания заслуживает устный рассказ, который продолжает создаваться. В. А. Захарова подчеркнула, что фольклор живет и развивается во взаимодействии с другими формами социалистической культуры. Г. А. Барташевич (Минск) проанализировала современные записи белорусских сказок. В. В. Митрофанова (Ленинград) говорила о русской сказочной традиции в наши дни (по материалам экспедиций в Новгородскую область). Сопоставление записей 1963—1973 гг. с записями, сделанными на Новгородчине в конце XIX—начале XX в., показывает определенную преемственность традиции (общие

сюжеты, художественные приемы и др.) и в то же время очевидный ее упадок в наши дни.

Все выступавшие в прениях подчеркивали, что на конференции были поставлены важные проблемы, которые в заслушанных докладах порою рассматривались в новом аспекте, что внесло определенный вклад в их разработку. Ряд выступавших отметил большое значение доклада К. В. Чистова для дальнейшего изучения несказочной прозы. З. Я. Можейко (Минск) сказала, что по теоретической и методической значимости этот доклад выходит за пределы словесного фольклора и представляет большой интерес также для этномузыкологов. Были и возражения по отдельным пунктам доклада. Так, В. П. Аникин считает, что жанровую природу произведений нельзя раскрыть, если принимать во внимание только функцию произведения, и что К. В. Чистов неправильно отрицает наличие эстетической функции у некоторых прозаических жанров; об этом же говорила и Г. С. Сухобрус. Г. Х. Короглы и И. В. Пухов высказали сожаление, что докладчик не привлек национальный фольклор, в частности народов Востока. Отвечая своим оппонентам, К. В. Чистов сказал, что отрицание эстетической функции у некоторых жанров приписано ему по недоразумению; он считает, что эстетическая функция этим жанрам присуща, все дело в том, какая функция у них основная. Доклад имел теоретический обобщающий характер, национальный фольклор, так же как и русский, в нем не рассматривался.

Многие выступавшие подчеркивали большой интерес докладов о поэтике сказки, но некоторые из них возражали против основного положения доклада Г. Г. Сухобрус: по их мнению, аллегория не свойственна сказке и свидетельствует о распаде сказки как жанра.

Говоря о важности классификации, С. Н. Азбелев подчеркнул, что необходимо определить основные общие признаки, по которым следует выделять жанры, однако и классификации, не удовлетворяющие строгим научным требованиям, практически бывают очень полезны для работы.

По мнению Б. П. Кербелите, нельзя систематизацию и классификацию фольклорных жанров откладывать до того, как будут выработаны общие принципы и уточнена терминология; исследователям крайне нужны элементарные справочники, которых так мало.

В. П. Аникин и В. А. Василенко высказали пожелания, чтобы были опубликованы труды конференции или тематические сборники, составленные на основе заслушанных докладов и выступлений.

В. М. Гацак, подводя итоги конференции, как положительный факт отметил, что впервые на Всесоюзной конференции были рассмотрены основные проблемы изучения прозаических жанров фольклора. Доклады имели определенную теоретическую направленность. Очень ценно, что в них привлекался большой материал по национальному фольклору, выдвигались новые проблемы и аспекты исследований. Сейчас важно совершенствовать методы исследования. Нужен эксперимент, четко запрограммированный, теоретически и технически оснащенный, необходимо брать предмет исследования в развитии.

В заключение В. М. Гацак отметил три обстоятельства, способствовавших успешному проведению конференции: 1) конференция была очень хорошо организована Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, и участники ее имели возможность ознакомиться с работой белорусских коллег; 2) удачно были объединены ученые разных поколений, что обеспечило преемственность научных традиций; 3) в организации конференции помимо белорусского Института участвовали институты АН СССР разного профиля — это творческое содружество надо закреплять и развивать.

Закрывая конференцию, К. В. Чистов отметил, что было заслушано много интересных докладов. Еще больше было заявок, что, так же как и число выступавших в прениях, показывает, насколько актуальны и остры выдвинутые проблемы. Очень важно изучение межнациональных связей в фольклоре, так как сейчас культурный взаимообмен между народами нашей страны становится особенно интенсивным. Конференция показала, что мы значительно продвинулись в изучении несказочной прозы, однако надо повышать теоретический уровень наших исследований, необходимо уточнить терминологию, для чего целесообразно создать терминологическую комиссию.

В заключение К. В. Чистов поблагодарил Академию наук БССР и Институт искусствоведения, этнографии и фольклора за прекрасную организацию конференции и за гостеприимство.

Для участников конференции был дан концерт, на котором продемонстрировали свое искусство коллективы и отдельные народные исполнители из разных районов Белоруссии.

В. К. Соколова

ТРЕТЬЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ»

С 13 по 15 ноября 1973 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР проходила третья научная конференция «Фольклор и этнография»¹, в которой приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Риги, Еревана, Тбилиси, Душанбе, Петрозаводска. Обсуждались проблемы взаимоотношения в фольклоре архаических форм мировоззрения, социальных институтов и элементов материальной культуры. Всего было прослушано 22 доклада, всесторонне рассмотревших три группы вопросов: 1) мифология, верования и фольклор; 2) вопросы этнической истории и фольклор; 3) обрядовый фольклор.

К первой группе относятся доклады Р. В. Кинжалова, Л. П. Потапова, С. В. Арутюняна, И. И. Шангиной, О. М. Муродова, Е. С. Новик, Е. Л. Мороза, В. В. Сенкевич-Гудковой.

Р. В. Кинжалов (Ленинград) в докладе «Проблема реализации мифа в повествовательном фольклоре и изобразительном искусстве» показал, как отражались фольклорные произведения в памятниках изобразительного искусства древнего Востока, греко-римского мира и Месоамерики. В результате сравнительного анализа повествовательного фольклора и произведений изобразительного искусства докладчик пришел к выводу, что в последних воспроизводится, как правило, иная, зачастую более архаическая версия мифа. Докладчик объясняет это древними представлениями о принципиальном различии между произнесенным словом и мыслью, запечатленной в изображенном предмете, памятнике. Действительно, слово менялось, а образ, закрепленный в дереве, камне и т. п., оставался неизменным.

К. В. Чистов, Б. Н. Путилов, К. Д. Лаушкин, Л. В. Хомич поддержали выдвинутые в докладе положения, подчеркнув их большое методологическое значение.

Доклад Л. П. Потапова (Ленинград) «Ритуальное значение мастей коня у народов Саяно-Алтая» был построен на этнографических, фольклорных, археологических и письменных источниках. Докладчик подчеркнул специфику эпоса как историко-этнографического источника, указав, что он отражает реальную действительность по законам жанра, в рамках своей структуры и образов, в своей эпической интерпретации. Л. П. Потапов показал глубокую древность представлений о ритуальном значении масти коней, возникших на основе культа коня у кочевников.

С. В. Арутюнян (Ереван) в докладе «Мифический образ солнца в загадке о лампаде» проанализировал более 50 вариантов загадки, записанных в различных районах Восточной и Западной Армении. Метафорические образы в загадке (море, в море — змея, в змеиной пасти или на голове драгоценный камень или золото, цветок, яблоко, огонь, прекрасная девушка) имеют много типологических параллелей у других народов; они говорят о древних космических представлениях, которые нашли отражение в верованиях и фольклоре армян.

Докладчик полагает, что образы солнца и змеи-дракона семантически ассоциировались у армян со старинной лампадой, лампадное масло — с небесным морем, фи-

¹ Первая конференция «Фольклор и этнография» состоялась в 1968 г. (о ней см. «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 143—149), вторая конференция — в 1971 г. (см. «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 164—167).